

ПЛАТОН

*(между 429 и 427 до н. э., Афины – 347 до н. э., Афины)
Древнегреческий философ, ученик Сократа,
учитель Аристотеля.*

ЕВТИФРОН, ИЛИ О БЛАГОЧЕСТИИ¹

— Понимаю, Сократ: ты объявляешь, что с тобой всегда — твой гений,— вот ему² и повод донести на тебя, как на новатора в делах божественных. С этим-то наветом он идет в суд, зная, что толпа охотно принимает подобную клевету. Ведь и надо мной смеются, будто над безумцем, когда я в собрании говорю что-нибудь о предметах божественных и предсказываю будущее,— *смеются не потому, что мои предсказания несправедливы, а потому, что завидуют всем таким, как мы*. Впрочем, не нужно слишком беспокоиться — будем идти дружно.

— Любезный Евтифрон! Быть осмеянным, может быть, еще неважно.

Афиняне, кажется, не очень хлопочут о том, что кого-нибудь почитают сильным,— лишь бы только не преподавал он своей мудрости. По зависти ли, как ты говоришь, или из-за чего иного они гnevаются больше на того, кого почитают готовым сделать и других такими же.

— Впрочем, мне не слишком любопытно знать, какого они обо мне мнения.

---

¹ Это один из ранних диалогов Платона, который был написан приблизительно в 399 г. до н. э. Участниками диалога являются Сократ и некий знаток религии Евтифрон. Их встреча произошла у здания суда, куда Сократ пришел из-за обвинений в его адрес.

² Имеется в виду главный обвинитель Сократа — малозначительный поэт-трагик Мелет.

— *Может быть, ты кажешься им особенным человеком, который не хочет преподавать своей мудрости. А я боюсь противоположного: не заметили ли они во мне человеколюбивого чувства — изливать в слове каждому все, что имею, не только без платы, но и с придачей своего удовольствия, лишь бы кто пожелал меня слушать?* И так, если бы они, говорю, захотели только посмеяться надо мной, как смеялись и над тобой, то ничуть не скучно было бы провести время в суде с шутами и насмешниками. Но что, когда примутся за дело серьезно? Тогда только вам — прорицателям — будет известно, какие произойдут последствия.

— Может быть, Сократ, и ничего не будет. Думаю, ты благополучно выиграешь свое дело, а я — свое.

— Но у тебя-то, Евтифрон, какое же дело? Ты бежишь или преследуешь?

— Преследую.

— Кого?

— Того, кого преследуя, можно тотчас показаться сумасшедшим.

— Что? Уж не на лету ли кого-нибудь?¹

— Куда ему летать? Он уже дряхлый старик!

— Кто же это такой?

---

¹ Данное выражение, скорее всего, было распространено в качестве поговорки.

— Мой отец.

— Твой отец?

— Конечно.

— Какая же вина его? И в чем дело?

— В убийстве, Сократ.

— О, да народ-то, вероятно, и не знает, Евтифрон, как тут соблюсти справедливость. Ведь соблюсти ее в этом случае можно, думаю, не всякому встречному, а тому, кто уже далеко ушел в мудрости.

— Конечно, далеко, клянусь Зевсом, Сократ.

— Видно, от твоего отца умер кто-нибудь из родных?¹ Само собой разумеется, потому что за чужого-то ты, вероятно, не стал бы обвинять его в убийстве.

— Смешно, Сократ, что ты различаешь: чужой умер или свой. *Надобно смотреть на одно: за дело ли кто убил или нет; если за дело — оставь его, а когда нет — преследуй, хотя бы убийца ел и пил за одним с тобой столом. Преступление не меньшее — жить с ним сознательно и не очищать себя и его через суд.* Умерший-то, видишь, был моим работником и нанялся к нам, когда мы возделывали землю на острове Наксосе. Напившись допьяна и рассердившись на одного из наших слуг, этот работник убил его. Отец мой, связав убийце руки и ноги, бросил его в один ров и послал

---

¹ Имеется в виду распространенный у древних греков закон, согласно которому предавать убийцу суду и вступаться за смерть убитого могут только родственники последнего.

сюда человека к истолкователю посоветоваться, что ему делать; между тем о связанном, как об убийце, не думал и не заботился, то есть неважное дело, если и умрет,— что и случилось. Голод, стужа и эти веревки убили его прежде, чем посол возвратился от истолкователя.

Вот за то-то и негодуют на меня — как отец, так и прочие родные, — что за убийцу я обвиняю своего отца в убийстве, которого, по их словам, он не совершил. Да если бы и совершил, то и тогда, говорят, не стоило бы вступаться за умершего, потому что он сам был убийца. Притом, нечестиво будто бы сыну обвинять отца в убийстве. Худо понимают они, Сократ, дела божественные, худо отличают святое от нечестивого!..¹

---

¹ Перевод *Василия Николаевича Карпова* (1798—1867) — философа, переводчика и религиозного деятеля.

АПОЛОГИЯ СОКРАТА¹

— Многое, о мужи-афиняне, не позволяет мне возмущаться тем, что сейчас случилось²; тем, что вы меня осудили, — между прочим и то, что это не было для меня неожиданностью. Гораздо более удивляет меня число голосов на той и на другой стороне. Что меня касается, то ведь я и не думал, что буду осужден столь малым числом голосов: я думал, что буду осужден большим числом голосов. Теперь же, как мне кажется, перепади тридцать один камешек с одной стороны на другую — и я был бы оправдан. Ну а от Мелета, по-моему, я и теперь ушел, да не только ушел, а еще вот что очевидно для всякого: если бы Анит и Ликон³ не пришли сюда, чтобы обвинять меня, то он был бы принужден уплатить тысячу драхм как не получивший пятой части голосов⁴.

---

¹ *Апология* — оправдательная речь Сократа, произнесенная им на суде в Афинах в 399 г. до н. э., после того как были выслушаны речи обвинителей. Скорее всего, сочинение Платона представляет собой подлинно засвидетельствованную речь Сократа, возможно художественное, стилизованное воспроизведение, имеющее, однако, большую историческую ценность. Процесс Сократа в Афинах был делом слишком известным и громким, чтобы можно было ожидать от Платона, человека близкого к Сократу, хорошо осведомленного о ведении процесса, значительных отклонений от действительных событий.

² Эта речь была произнесена Сократом после вынесения ему обвинительного приговора.

³ Кроме Мелета, обвинителями Сократа были *Анит* — богатый афинский владелец кожевенных мастерских, один из активных демократов, и оратор *Ликон*.

⁴ По афинским законам обвинитель, не собравший 1/5 голосов, обязан был заплатить штраф в 1000 драхм и в дальнейшем лишался права подавать в суд жалобы. Только присутствие, кроме самого Мелета, еще двух обвинителей обеспечило ему необходимое количество голосов.

Ну а наказанием для меня этот муж полагает смерть. Хорошо. Какое же наказание, о мужи-афиняне, должен я положить себе сам? Не ясно ли, что заслуженное? Так какое же?

Чему по справедливости подвергнуться или сколько должен я уплатить за то, что ни с того ни с сего всю свою жизнь не давал себе покоя; за то, что не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе, считая себя, право же, слишком порядочным человеком, чтобы оставаться целым, участвуя во всем этом; за то, что я не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своим раньше, чем о себе самом, — как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что принадлежит городу, раньше, чем о самом городе, и обо всем прочем таким же образом.

Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи-афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и притом такого хорошего, что бы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи-афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее¹, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или

---

¹ Обед в Пританее за общественный счет считался высшей степенью почета. На него имели право, среди прочих, победители Олимпиад.

на тройке, потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мной заслуженное, то вот я что себе назначаю — даровой обед в Пританее.

Может быть, вам кажется, что я и это говорю по высокомерию, как говорил о просьбах со слезами и с коленапреклонениями. Но это не так, афиняне, а скорее дело вот в чем: *сам-то я убежден в том, что ни одного человека не обижаю сознательно, но убедить в этом вас я не могу, потому что мало времени беседовали мы друг с другом.* В самом деле, мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, но нескольких; а теперь не так-то это легко — в малое время снимать с себя великую клевету.

Ну так вот, *убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в коем случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание.* С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем, повторяю еще раз, я не знаю, хорошо это или дурно?

Так вот вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что это — зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом одиннадцати¹, постоянно меняющейся власти?

---

¹ Одиннадцать ежегодно выбиравшихся архонтов (начальников) надзирали над тюрьмами.

Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что вечное заточение, потому что мне не из чего уплатить.

В таком случае не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я труситься, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: *вы, мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие, и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищете теперь, как бы от них отделаться. Ну а другие легко их вынесут?*

Никоим образом, афиняне. Хороша же в таком случае была бы моя жизнь — уйти на старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым.

Я ведь отлично знаю, что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь, и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят, подговорив старших, а если я не буду их отгонять, то их отцы и домашние выгонят меня из-за них же.

В таком случае кто-нибудь может сказать: «Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен проживать спокойно и в молчании?» Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас. *В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться бога — а ведь, не слушаясь бога, нельзя оставаться спокойным, — то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу.*

С другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя и других, есть к тому же и величайшее благо для

человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека,— если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше.

На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом нелегко. Да к тому же я и не привык считать себя достойным чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда бы я назначил уплатить деньги сколько полагается, в этом для меня не было бы никакого вреда, но ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй, я вам могу уплатить мину¹ серебра — ну столько и назначаю. А вот они, о мужи-афиняне,— Платон, Критон, Критобул, Аполлодор,— велят мне назначить тридцать мин, а поручительство берут на себя; ну так назначаю тридцать, а поручители в уплате денег будут у вас надежные.

* * *

Немного не захотели вы подождать, о мужи-афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца. Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собой; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть.

Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям:

---

¹ *Мина* — мера веса и счетно-денежная единица в странах Древнего Ближнего Востока, Древнем Египте и Древней Греции. Так называемая классическая аттическая мина равнялась 436,6 г.

быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания?

Вовсе не так. Не хватило-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное — все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе.

Потому что ни на суде, ни на войне ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или умоляя преследующих. Много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все.

•
*От смерти уйти нетрудно,
а вот что гораздо труднее —
уйти от нравственной порчи,
потому что она идет скорее,
чем смерть.*
•

И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные,—

тем, что идет проворнее, нравственной порчей. *И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиной, уходят на зло и неправду, и я остаюсь при своем наказании, и они — при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.*

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать,— когда им предстоит умереть.

И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей — тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно,— вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше.

Ну вот, предсказав это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.

А с теми, кто меня оправдал, я бы охотно побеседовал о самом этом происшествии, пока архонты заняты своим делом и мне нельзя еще идти туда, где я должен умереть. Побудьте пока со мной, о мужи! Ничто не мешает нам поболтать друг с другом, пока есть время.